

ПРЫЖОК В ГОЛУБУЮ БЕЗДНУ

...Эта знаменательная встреча произошла в 1996 году на Елисейских полях, в Париже. Жан Рено случайно увидел проходившую мимо красавицу Натали Дижкьевич и бежал за ней почти квартал, умоляя остановиться и выслушать его.

Наконец девушка смиловилась. А дальше все просто: Натали и Жан зашли в кафе, проговорили около часа, и девушка оставила Жану номер своего телефона. Вскоре она стала его женой и родила ему двоих детей. Они до сих пор счастливы вместе.

... — Девушка, девушка, постойте, подождите, ну куда же вы так спешите! — поправляя соскальзывающие с носа очки, бубнил задыхавшийся от быстрой ходьбы Жан Рено. Прохожие, наблюдавшие эту сцену, были уверены: снимается какой-нибудь фильм. Наверняка оператор идет следом. В этот вечерний час на Елисейских полях такая сутолока!

Однажды жизнь поставила перед ним жестокий выбор — размеренное существование в семье, карьера актера-неудачника или успех и признание. Случайные роли в случайных фильмах и никакого будущего — вот что его ожидало

Парижане, привыкшие к такого рода мизансценам (здесь кино часто снимается прямо на улицах), с любопытством оборачивались вслед звезде и красавице, которую тот преследовал. Оба резко выделялись из толпы своим высоким ростом — девушка была под стать двухметровому Рено.

чем второе слово срывается с ее губ чаще первого.

— Ну мадемуазель, ну пожалуйста, ну остановитесь. Неужели мы не можем просто так посидеть в кафе, выпить минералки? — не унимался Жан. — Ну разве я похож на уличного пристава? Ну неужели вы меня не узнаете?! Вы что, не любите хо-

— Ну, не знаю. Может, его двойник! Вы разве не слышали о том, что в Америке недавно арестовали некоего Джозефа Мануэле? Нет? Он выдавал себя за Роберта Де Ниро! Был похож на него как две капли воды и всюю пользовался этим: раздавал автографы, знакомился с девушками на улице... — на последней

Прохожие, наблюдавшие за Жаном и Натали, были уверены, что у них на глазах снимается какой-то фильм. Однако все происходило на самом деле

Однако никакого оператора рядом не было. Просто в центре Парижа, на самой оживленной улице города, в самый многолюдный час кинозвезда Жан Рено встретил девушку своей мечты и вот теперь настойчиво пытается обратить на себя ее внимание.

Красавица вежливо улыбается, но сдержанными «да» и «нет» пытается остудить пыл преследующего ее чудака. При-

дуть в кино? Я — Жан Рено, черт возьми!

Девушка остановилась и подняла на запыхавшегося Жана удивленные глаза.

— Кто, простите? Жан Рено? Так я вам и поверила! — отрезала она.

Рено раскрыл рот, в первое мгновение он даже не нашелся, что ответить.

— А... кто же я, по-вашему? — растерянно спросил он.

Девушка пожала плечами:

фразе красавица сделала особое ударение.

— Ну и... что же в этом противозаконного? Почему его арестовали? — удивилась Жан.

— Он подделал кредитную карточку Де Ниро! — лукаво улыбнулась девушка. Жан был потрясен поворотом событий.

— Я вам докажу, что я — настоящий

«Я вам докажу, что я — настоящий Жан Рено, оригинал, а не двойник. Только позвольте мне это сделать, умоляю вас, не уходите, не оставляйте меня одного!»

По сей день Жан благодарен Люку Бессону за то, что тот в него поверил

Жан Рено, оригинал, а не двойник. Только позвольте мне это сделать, умоляю вас, не уходите, не оставляйте меня вот так, одного посреди улицы! — с мольбой в глазах произнес он.

— Ну и как же вы собираетесь это сде-

лать? — переспросила незнакомка, демонстративно поглядывая на изящные часики. — Учтите, у меня очень мало времени, я спешу на кастинг.

— О, вы тоже актриса? — на мгновение оживился Жан.

— Манекенщица. Меня зовут Натали Дижквевич, — ответила она.

— Вы самая красивая женщина, какую я когда-либо встречал. Едва я увидел вас, плывущую, как лебедь, в этой праздной толпе, как тут же сказал себе: «Вот идет

Бессон снимал одну из самых технически тяжелых сцен своей ленты — прыжок героя Рено в воду и глубокое погружение. Кадр из фильма «Голубая бездна» (1988 г.)

В одном из журналов Жан прочел, что является секс-символом. Так почему же это не помогает ему в самый что ни на есть важный момент?!

моя будущая жена!» — произнес Рено, понимая, впрочем, как глупо и напыщенно звучат его слова.

— Вы безумец! — смеясь, ответила явно смущенная столь смелым признанием девушка. — В общем, даю вам тридцать минут. Успеете убедить меня, что вы — это вы, что ж, отлично. Но если нет, предупреждаю — мы тут же разойдемся в разные стороны. Не люблю врунов и приставал!

Натали и Жан зашли в первое попавшееся кафе и заказали себе по стакану минеральной воды. Отбросив на спину великолепные волосы, Натали села поживив ногу на ногу.

— Мое настоящее имя Хуан Морено, я испанец. (После этих слов Натали нарочито громко кашлянула — она и не сом-

невалась, что это розыгрыш и незнакомец — вовсе не Жан Рено.) Мои родители, спасаясь от фашистского режима Франко, укрылись в Касабланке, где я и появился на свет 30 июля 1948 года, — начал было Жан. Но Натали, прервав его монолог громкими аплодисментами, накинула ремень сумочки на плечо и явно собралась уйти. Глаза ее собеседника вдруг стали такими печальными! Он сидел понурился голову.

Нет, он не может так просто отпустить эту прекрасную женщину. Он должен во что бы то ни стало удержать ее хотя бы еще на несколько минут. Со стороны он наверняка выглядит по-идиотски — 48-летний небритый мужчина с очень знакомым лицом, производящий впечатление серьезного человека, а уж ни-

как не озабоченного маньяка, пристал к девушке на улице и преследует ее, умоляя остановиться и поговорить с ним. Может, он тронулся умом? Или бесконечно устарел и так нынче уже никто не знакомится? Возможно, во всем виновато его многолетнее одиночество, он отвык от реверансов и попросту забыл, как произвести впечатление на женщину? Странно, в каком-то журнале он прочел, что является секс-символом. Так почему же это не помогает ему в самый что ни на есть важный момент? Он понимал, что эту девушку упускать нельзя, надо рассказать ей что-нибудь интригующее, заинтересовать... И вот пожалуйста — в голову, как назло, ничего не приходит. Он просто сидит и молчит, как пень... Странно, что она еще не ушла. К тому же

Он **увидел** ее в толпе и тут же сказал себе:
«**Вот** идет моя будущая жена!»
Жан Рено и Натали Дижкьевич
на 25-м кинофестивале в Довилле

С Натали и детьми в Париже

От гнева отца маленький Жан спасался под маминой юбкой — это было единственное убежище, которое гарантировало ему хоть какую-то безопасность

и выглядит он сейчас не лучшим образом — в мятом хлопковом костюме черного цвета, на который налипла светлая шерсть его Лабрадора, ботинки не чищены. А еще Жан вчера ненароком пролил себе на брюки кривоточную подливу и вспомнил об этой оплошности только сейчас, когда его нос учуял малоприятный душок.

Может, рассказать ей что-нибудь смешное из своего прошлого — женщины любят мужчин с чувством юмора. Или, напротив, что-нибудь драматическое — ведь они так сентиментальны! Так о чем же?

Может, о том, как он выкручивался, чтобы не нарушить чуткий сон уставшего от работы отца, газетного наборщика? Чтобы прокормить семью, тот работал почти круглые сутки и, возвращаясь домой утром, когда все только просыпа-

лись, плашмя падал на постель. В эти часы домашним следовало передвигаться на цыпочках, говорить шепотом. Пусть Натали представит себе жизнь мальчишки в подобных условиях — это же просто ад! Как играть, во что, с кем? У отца был очень острый слух — даже если бы у маленького Жана были тапочки на войлочной подошве и он стал развлекать себя жонглированием пушинками, отец бы проснулся от того, что одна из них упала на пол. Разве Натали интересно, как Жан боролся с угнетающей его тишиной? Лежал, перелистывая книжки с картинками, мечтал, с тоской смотрел на машинки и оловянных солдатиков, боясь сдвинуть их с места, но если все же случалось «несчастье» — солдатик падал, а колеса игрушечного грузовика предательски скрипели, отец просыпался и устраивал чудовищный

скандал. Он кричал на весь квартал и носился за сыном по дому с ремнем в руке. Рено спасался под маминой юбкой — это было единственное убежище, которое гарантировало хоть какую-то безопасность. Правда, у мальчишки была одна тайная отдушина — балкон! Жан просиживал там часы напролет, наблюдая за снующими внизу людьми. Коммерсанты, старики, бойкие юнцы, красивые женщины — все они смеялись, бегали, что-то жевали. Маленький Жан всматривался в их лица и придумывал разные истории: вот прекрасная принцесса, а это ее злобный похититель... Не дай бог, если кто-то из его дворовых приятелей случайно поднимал голову и весело приветствовал Жана — тот в ответ не мог даже поздороваться. Разве что молча кивнуть головой. Но Рено не был безучастным зрителем на спектакле

С Риоко Хиросу в фильме «Васаби» (2001 г.)

Именно здесь, на улице, Жан познавал настоящую жизнь: дружбу, предательство, любовь. Он дрался, играл в футбол, воровал...

«Жизнь других» — именно так он его называл. Ночами, когда все засыпали, мальчишка вновь и вновь разыгрывал маленькие сценки, увиденные днем, имитируя гримасы обманутых покупателей и лукавящих с ними коварных продавцов. Или представлял себя почтальоном на велосипеде, радостно несущим благие вести (в руке телеграмма со словами: «Возвращаюсь. Люблю»), а то мысленно пронесился по мощеным улочкам на шикарном автомобиле, сигнализировав мальчишкам и козырял знакомым... Но однажды все эти выдумки надоели ему, и Жан решил перебраться на улицу. В ту пору ему, возможно, подошло

бы определение «уличный парень». Именно здесь он познавал жизнь: дружбу, предательство, любовь. Он дрался, играл в футбол, воровал...

Тут Жан слегка осекся — мало ли что после такого может о нем вообразить Натали? Но слова уже сорвались с губ, и вернуть их невозможно. Жан внимательно взглянул на девушку, но Натали, казалось, была увлечена рассказом и никаких неприятных выводов делать не собиралась. И все же Жан решил не говорить ей о том, как, уходя из родного дома, услышал скупое отцовское напутствие: «Вернись, когда захочешь есть. И постарайся не кончить тюрьмой».

Не расскажет он Натали и о том, как, едва почувствовав себя мужчиной, испытывал панический страх перед женщинами. Во времена его юности в Касабланке подросткам доступны были лишь эротические мечты. Противозачаточные пилюли тогда еще не изобрели, презервативы были страшным дефицитом, а отцы и братья юных девушек как цепные псы сторожили их добродетель. Единственное, что позволялось — это многолетнее ухаживание. Конечно, Жан и его друзья могли встречаться с приглянувшимися сверстницами, ходить с ними в кино или на танцы. Но, к примеру, взять возлюбленную за руку можно бы-

стать перед этой девушкой таким, каков он есть на самом деле.

Натали между тем и сама не могла понять, что же удерживает ее на месте. Почему она так заворуженно слушает Жана? Почему не уходит, ведь ей надо спешить на важную встречу и если она опоздает, то потеряет выгодный контракт. Ее агенту это очень не понравится. Она впервые видит этого 50-летнего мужчину, но надо признать, что между ними мгновенно возникло взаимное притяжение, он так доверительно рассказывает о себе, что у нее возникли какие-то странные, необъяснимые ощущения. А может, Натали просто предчувствует, что эта встреча станет для нее началом чего-то очень важного? Вдруг это сама Судьба остановила ее посреди шумной парижской улицы? И возможно, сегодня, сейчас она наконец-то встретилась с тем, о ком так давно мечтала?!

Девушка внимательно рассматривала лицо мужчины, упорно настаивающего на том, что его имя — Жан Рено. Трехдневная щетина с проседью. Седина на

Уходя из родного дома, Жан услышал скупое отцовское напутствие: «Вернешься, когда захочешь есть. И постарайся не кончить тюрьмой»

ло не раньше чем через два-три года после знакомства! Нет, Жан не признается прекрасной Натали в том, что подобные правила изменили его — развили воображение, научили возвышенному, трепетному отношению к женщине. Невозможность проявить свой горячий темперамент в 16 лет — какая это мука! Но зато в его последующей жизни никогда не будет случайных связей, нелепых романов и любовниц на один день. На каждой девушке, затронувшей его душу, ему всегда хотелось жениться — ни больше ни меньше. Да, вот такой он чрезвычайный и серьезный. А может, просто старомодный? Если он признается в этом Натали, она, чего доброго, испугается. Только что встретились — и уже бежать под венец?

Возможно, ему стоит рассказать ей о своей матери, женщине необычайной красоты, всегда казавшейся Жану земным воплощением небесной богини. Странно, но в Натали Рено явно угады-

вал мамины черты — те же длинные волосы, та же грациозность движений, царственность осанки. Те же карие глаза и выражение кротости и ласки в них. Жан до сих пор помнит вкус своего детства, вкус маминых фирменных блюд — пазлы, кускуса и пиццы «тортилас». Вся семья собиралась за столом, мама вносила поднос с очередным сногшибательным кушаньем, а отец включал записи Лолы Флорес и Мануэлы Эскобар... Музыка фламенко всегда будет напоминать ему о родном доме.

До сих пор бессонными ночами Рено слышит стук маминей машинки «Зингер». Она была швей-надомницей. Его память хранит даже цветочный аромат ее одежды. Мама умерла, едва ему исполнилось семнадцать. Когда он начинает говорить об этом, у него срывается голос. Женщинам не нравится, когда мужчины так чувствительны, они уверены, что подобная сентиментальность — их удел. Ну что ж, Жан не стыдится пред-

висках. Под глазами — мешки. Круглые очки то и дело съезжают на кончик орлиного носа. И глаза — большие, добрые, печальные. Глаза бездомной дворняги, уставшей слоняться без тепла и уюта по холодным улицам. Сказать об этом Жану? Он, наверное, не обидится, только грустно рассмеется. Потому как журналисты уже достали его вечным сравнением с четвероногим «братом». Чтобы разрядить обстановку, он, пожалуй, процитирует ей строки из одной газетной статьи: <У месяце Рено взглянул бездомного пса, лицо коршуна и сердце Прекрасного Принца>. Хотя последнее сравнение в его устах будет звучать похвальбой.

...Он может рассказать ей об армии: воинская служба — чем не козырь для кавалера! Впрочем, это если есть чем гордиться. А вот Жану особо-то и похвастаться нечем. Это был наихудший период его жизни — холод, унижения и полное одиночество. За все 18 месяцев служ-

Сейчас в это трудно поверить, но вплоть до 40 лет Жан Рено, ныне суперзвезда и секс-символ Франции, влачил жалкое существование

С Беном Аффлеком и Гвинет Пэлтроу на показе коллекции Диора (1999 г.)

Выходя замуж за актера, Женевьева и предположить не могла, что связывает свою судьбу с... призраком! Жана постоянно не было дома

бы он не получил ни одного письма из дома, ни одной посылки с деньгами, теплой одеждой или сигаретами. Первое время, правда, приходили письма от его невесты Катрин — девушки, с которой он успел наспех помолвиться перед отъездом, практически от отчаяния — так хотелось, чтобы его ждал близкий человек! Она, кстати, подарила Жану на прощание флакон одеколona от Ланвена. Он решил, что, если расхотеть по капле в день, его должно хватить на весь срок службы. Это было нелепой и никчемной роскошью в его положении, в этом военном бараке на восьмерых парней, но он упрямо соблюдал ритуал, который связывал его с мечтой вырваться в лучшую, светлую жизнь.

Вскоре Катрин перестала писать, и на этом их отношения закончились. Когда Рено вернулся из армии и повстречал на

улице свою загоревшую и цветущую «невесту», та просто прошла мимо.

Эта история может представить Жана как неудачника, от которого запросто отказалась любимая девушка. Ну что ж, он все равно расскажет ее, пусть Натали лишний раз убедится в том, что он настроен весьма серьезно и не собирается скрывать от нее свои проблемы. Как всякая юная девушка, за которой начинает активно ухаживать зрелый мужчина, Натали наверняка задаст ему язвительный вопрос: «Интересно, что скажет ваша жена, когда узнает, что вы пристаёте на улице к молодым особам?» Скорее всего она не поверит, что к своим пятидесяти годам Жан так и не обзавелся семьей. После развода со своей первой и единственной на сегодняшний день женой, обычной служащей Женевьевой, он давно живет один в пустой трехкомнатной

квартире и безумно скучает по любимым детям, оставшимся на попечение матери, — дочери Сандре и сыну Майклу.

Вероятно, Натали захочет узнать о причине развода. И тогда Жан расскажет ей, что для Женевьевы его актерская профессия была воплощением дикости, своего рода извращением, с которым она категорически не хотела мириться. Выходя замуж, Женевьева и предположить не могла, что связывает свою судьбу с... призраком! Жана постоянно не было дома. Съёмки, длительные командировки — разве нормальная женщина может смириться с таким положением дел?

Жан признается Натали: он до сих пор корит себя за то, что дети росли без его участия. Но разве эти укоры могут что-нибудь исправить? После развода Жан поселился один, стал пить, да так крепко, что однажды даже лишился водитель-

В его жизни не было случайных связей, нелепых романов и любовниц на один день. Да, вот такой он чрезвычайно старомодный...

Съемки «Голубой бездны» должны были занять более года. На деле это означало собрать вещи и, бросив семью, уехать неизвестно куда

ских прав, так как в жуткой депрессии и сильном подпитии гнал по ночному Парижу на скорости 180 км в час. Его долго мучила бессонница, а врачи так и не смогли подобрать ему подходящее снотворное. Впервые со времени развода Жан сумел заснуть только после визита детей — они неожиданно нагрянули к нему в гости, принеся с собой яблочный пирог с корицей «от мамы». Как же Жан тогда был счастлив! Ведь это день его рождения, который он планировал отпраздновать как обычно — вдвоем с телевизором и разогретой в микроволновке курицей из соседнего супермаркета.

Натали так внимательно, так заворуженно слушает, так спуская с его лица своих огромных карих глаз. Значит, ей действительно небезразлична эта стран-

ная исповедь? Ну, если так, Жан расскажет и о том, как однажды жизнь поставила перед ним жестокий выбор — размеренное существование в семье, карьера актера-неудачника или полная самоотдача, успех и признание, обретение себя как творческой личности. Ему уже было под сорок, а он все продолжал обивать пороги студий, строить гримасы, натягивать улыбку и в очередной раз, как оплеуху, получать традиционный сухой ответ: «Мы сообщим вам о нашем решении». Случайные роли в случайных фильмах и никакого будущего, вот что его ожидало. Чтобы немного развеселить Натали, Жан не постесняется представить себя в невыгодном свете и припомнит одну историю их тех времен. Ему предложили сняться в небольшом

эпизоде в картине, где играли Ив Монтан и Роми Шнайдер. У Жана была с ними сцена. Вот это да, вот это сенсация, ликовал он, теперь его точно заметят, и весь мир перевернется! К тому же режиссер был так благосклонен, что позволил Рено самому написать себе текст монолога, с которого и начинается его эпизод с Монтаном. Можете себе представить, что с ним творилось! Рено несколько дней писал, переписывал, уточнял, перedelывал, в результате получилась стройная речь минут на десять. Выслушав ее, режиссер одобрительно похлопал его по плечу и сказал:

— Отлично, Жан. Но надо немного сократить. Не обижайся, друг, но иначе ты перетянешь на себя одеяло, а месье Монтану это наверняка не понравится.

Оставили... первую фразу.

И такие истории случались с ним чуть ли не каждый день. Он уже записал себя в неудачники. Вероятно, Натали удивленно вскинет брови: «Как же так? Жан Рено, звезда первой величины, потеснивший на пьедестале «национальную гордость» Франции, самого Жерара Депарда, один из немногих, у кого удается карьера в Голливуде, много лет подряд влачил столь жалкое существование?» Может, она задаст ему вопрос: «Как же ты не сломался, как же не проиграл?» И тогда Жан расскажет ей о своем близком друге, буквально вытянувшем его из трясины. Зовут его Люк Бессон. А произошло это так.

Получив приглашение на кинопробу в каком-то очередном мизерном эпизоде, он отправился на студию в плохом настроении, зная наперед, чем все закончится: «Оставьте свою фотографию и телефон. С вами свяжутся». В коридоре студии уже толпилось несколько десятков молодых актеров, и настроение у Рено упало окончательно: «Старый дурак, что ты тут делаешь? Шел бы домой к ди-

— А я и не думал забывать. В ту же минуту, как увидел вас, понял — вот с этим человеком я и сделаю свое первое кино! — ответил он.

Они решили встретиться в кафе. Бессон казался одержимым. У него горели глаза и тряслись руки.

— А деньги на проект у вас есть? — осторожно поинтересовался Жан.

— Нет, — ответил тот. — Поэтому все будем снимать быстро. Друг обещал одолжить мне кинокамеру на пару-тройку дней, а школьный приятель предоставит бесплатный интерьер в выходные дни.

— А сколько ты мне заплатишь? — не унимался Рено.

Бессон удивленно посмотрел на него.

— Нисколько, — ответил он.

— Тогда я отказываюсь. Слушай, ты не обижайся. Просто мне уже много лет и очень надоело работать задарма. Поищи кого-нибудь другого... — покачал головой Жан.

— Ну хорошо, тысяча франков. От меня лично. Согласен? И не строй из себя крутого парня, у тебя слишком добрые

спектива сделать большое, настоящее кино, сыграть первую значительную роль. В общем, Жан был в полном замешательстве. Буквально за секунду до выезда на встречу с Бессоном принял решение остаться. И тут его посетило видение: он увидел себя - жалкого пожилого спившегося неудачника, которого стыдятся даже собственные дети. Жан схватил сумку с вещами и рванул к входной двери.

Женевьева конечно же время от времени приезжала на съемки навестить супруга, но отношения между ними окончательно испортились. Жан видел, какую боль приносит ей своим вечным отсутствием, как тоскует по нему дочка и сын, но его болезненное, превратившееся уже в навязчивую идею желание вырваться из этого болота жизни было сильнее. Рено понимал, что заключает своеобразную сделку — получает большую роль и платит за нее потерей семьи, но и это его не остановило. Ему не так нужны были деньги, имя и статус, просто представился шанс изменить свою жизнь, сдвинуться с мертвой точки... Ко-

Когда закончились съемки «Голубой бездны», Рено уже не смог вернуться домой: Женевьева сухо известила его, что подала на развод

вану и телевизору!» Он уже готов был уйти, как вдруг...

— Месье Рено? Заходите! — раздалось из открытой двери. Первый ассистент режиссера, некто по имени Люк Бессон, вдвое моложе Жана, любезно предложил ему сесть. Режиссер Рафаэль Дельпар, набиравший актеров в свою новую картину, едва взглянув в его сторону, тут же произнес:

— Нет, месье, простите, но вы нас не устроите. Вам слишком много лет для этой роли, и у вас, гм... так сказать, очень специфическая внешность. Ну не тянете вы на героя-любовника. Не обижайтесь, это наша ошибка. Простите за беспокойство.

Когда Рено уже закрывал за собой дверь, до него донеслось:

— Люк, черт возьми, я же просил подобрать мне смазливых молодых людей!

Нет, он не расстроился — это была типичная ситуация. Но... Через несколько месяцев ему позвонил тот самый молодой ассистент и предложил главную роль в своей дебютной короткометражке!

— Неужели вы меня запомнили, Люк? — удивился Рено.

глаза. И ты совсем-совсем нестрашный, — улыбнулся Бессон.

Естественно, Жан согласился на все условия Люка. После этой короткометражки они сняли «Последний бой», получили приз и прославились. По сей день Жан благодарен Люку за то, что тот в него поверил.

Натали, вероятно, нахмурит свои красивые бровки и выскажет сомнение: почему же Женевьева ушла от мужа, ставшего в одночасье богатым и знаменитым? Тогда Жан попытается объяснить ей, что расставание с женой произошло как раз накануне его славы. Бессон предложил ему роль в своем фильме «Голубая бездна». Подготовка и съемки должны были занять более года. На деле это означало собрать вещи, купить профессиональное снаряжение ныряльщика (предстояли серьезные тренировки, обучение прыжкам в воду, работа в акваланге) и уехать из семьи в неизвестном направлении. Перед Жаном встал выбор: с одной стороны — семья, жена, двое детей, его «преклонный» возраст, положение третьесортного киностатиста, с другой — хоть и призрачная, но возможная удача, пер-

гда закончились съемки «Голубой бездны», он уже не смог вернуться домой, а поселился в отеле — несколько дней назад Женевьева сухо известила его, что подала на развод.

Натали наверняка заинтересуется тем, как проходили съемки культового фильма «Голубая бездна», и Жан расскажет ей об одном драматическом эпизоде работы над картиной — он тогда чуть было не погиб.

Бессон снимал одну из самых технически тяжелых сцен своей ленты — прыжок героя Рено в воду и глубокое погружение. По замыслу режиссера этот план нужно было снимать... со дна. Будучи отличным ныряльщиком, Люк, вооружившись камерой, бесстрашно прыгнул в воду, дав Жану последнее напутствие, прежде чем исчезнуть в тревожных темных волнах: «Просто плыви вниз, пока не увидишь свет моего фонарика».

Погружаясь все глубже и глубже, Рено, как его учили инструкторы, стал отсчитывать время по секундам. И вдруг потерял ориентацию. Ледяная масса воды сдавила его со всех сторон, холод проник в кости, прокрадывался в вены,

Вскоре после их знаменательной встречи
Натали Дижквевич стала женой Жана Рено.
Они до сих пор счастливы вместе

Рено очень хотелось бы, чтобы его дети верили в него, как в Деда Мороза. Ведь ради них он и затеял эту авантюру с кино

это мгновение где-то далеко внизу Рено вдруг заметил слабую святящуюся точку. Это и был фонарик камеры Люка. Он сидел там, в черноте моря, и терпеливо ждал своего друга-актера. Жан стал быстро-быстро опускаться, понимая, что любое лишнее движение может оказаться роковым. Стоило фонарику Бессона наконец мигнуть, что означало «Стоп. Снято», как Рено устремился вверх.

«Я больше никогда не увижу жену и детей», — проносилось у него в голове. Это «никогда» придало силы, и Рено сделал последний, отчаянный рывок вверх. Как он оказался на поверхности, Жан не помнит. Он задыхался, его рвало, тело сводили судороги, ноги и руки словно отнялись. Через мгновение Жан потерял сознание.

Придя в себя, он увидел склонившиеся над ним лица врача и Люка. Пока Жану делали укол, Люк приговаривал: «Ну что же, неплохо, совсем неплохо. Единственное, в чем ты немного подкачал — так это с выражением лица. Мы же, помнишь, договаривались: безмятежная улыбка, ощущение покоя и блаженства. А ты глаза выпучиваешь, как ненормальный, да еще головой трясеешь... Ладно, сейчас переснимем. Жду тебя внизу!»

В это мгновение ему захотелось броситься на Бессона с кулаками. Но он лишь слабо кивнул и сказал: «О'кей, Люк. Я иду».

Эти воспоминания наверняка развесят его, и Жан звонко расхохочется. Он всегда смеется, когда вспоминает о той истории — ему нравится наблюдать за тем, как в глазах его собеседника растет ужас. Но глаза Натали, вероятнее всего, будут печальными, и в этом рассказе она не найдет ничего смешного. Скорее всего она задаст тот же вопрос, который он много раз слышал от обычных, нор-

Ледяная масса воды сдавила Жана со всех сторон, холод проникал в кости, прокрадывался в вены, скребся в сердце. В мозгу стучало: это конец, ты тонешь

скребся в сердце. Звенело в ушах, дыхание стало прерывистым и свистящим. Вокруг — полный мрак, пустота. В мозгу стучало: это конец, ты тонешь, тонешь. Люк солгал — никакого фонарика он не видит. Рено вспомнил, как Бессон опи-

сывал чувства и ощущения его героя Энцо — единение тела с водой, гармония с вечностью. Какая гармония?! Да он сейчас просто умрет! Жан в панике пытался сорвать с себя тяжелый костюм, маска дала течь и стала наполняться водой. В

мальных людей, далеких от актерской профессии: «А не слишком ли высока цена? Стоит ли игра свеч?» Но Жан давно уже на него ответил.

Дело в том, что одним из страшных разочарований его детства было открытие...

что Деда Мороза не существует. Они с сестрой всегда так ждали Рождества, с утра 24 декабря наряжались в свои самые красивые одежды и шарахались от всех и вся, боясь ненароком запачкаться и предстать перед Дедом Морозом грязнулями. Они писали ему письма, просили у него игрушки. Как-то раз Жан даже осмелился признаться в том, что папа не очень его любит, тайно надеясь, что Дед Мороз накроет папу волшебным мешком, и на следующее утро тот зайдет к нему в спальню, чтобы поцеловать в лоб и пожелать доброго утра... Увы, все письма, пожелания и просьбы оставались безответными. И в один прекрасный день мальчик все понял.

Жан расскажет Натали, что ему очень бы хотелось, чтобы его дети верили в него, как в Деда Мороза. Ведь ради них он и затеял всю эту авантюру с кино. Возможно, Жан признается Натали в том, что до сих пор испытывает перед своими детьми — Майклом и Сандрой — чувство глубочайшей вины. А ведь он еще в юности поклялся, что никогда не станет таким же бесчувственным отцом, каким был его собственный. И что же? Он нарушил клятву, он все время уезжал, спешил, отсутствовал...

...Наверное, Жан и Натали просидели бы так до утра, не отрывая друг от друга глаз и тихо беседуя, если бы к их столику вдруг не подошел симпатичный мальчуган в потертых джинсах.

— Месье Рено? Дайте мне, пожалуйста, автограф, — произнес он, вручая Жану фантик от жвачки. Жан ласково потрепал его по затылку. — А я теперь тоже дружу с девчонками, как и ваш Леон! — краснея как помидор, неожиданно признался паренек. — Они очень хорошие...

Расписавшись на фантике, Жан победоносно посмотрел на девушку. Неужели у нее и теперь остались сомнения? Он же говорил, что и есть тот самый Жан Рено...

И тут Натали впервые улыбнулась и сказала, что ей абсолютно все равно, какое настоящее имя ее «уличного пристава» — Жан Рено или Хуан Морено. Он интересен ей как человек, а после этого разговора стал еще и другом. Она взяла со стола салфетку и, порывшись в сумочке, но так и не найдя ручки, написала красной губной помадой номер своего телефона. Эту салфетку Рено нес домой в вытянутой руке, не складывая, защищая листочек от порывов ветра, боясь, что цифры размажутся, и тогда... тогда ему придется каждый день выходить на Елисейские поля с огромным плакатом: «Натали! Натали!»

Юлия Козлова